

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НАУЧНЫЕ ЦЕНТРЫ: ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА В МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ им. П.И. ЧАЙКОВСКОГО

Н.Н. ГИЛЯРОВА

КАБИНЕТ НАРОДНОЙ МУЗЫКИ МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ им. П.И. ЧАЙКОВСКОГО

Среди научных центров России, занимающихся изучением народной музыкальной культуры, одним из старейших является кабинет народной музыки Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского¹. Еще на открытии консерватории в 1866 г. В.Ф. Одоевский выказывал надежду на ее особое внимание к «народным морским напевам» [Кабинет народной музыки 1966, 3]. Так и произошло. С консерваторией была связана деятельность П.И. Чайковского, В.П. Прокудина, А.Д. Кастальского, А.В. Нильского и многих других выдающихся музыкантов, для которых русская народная музыкальная культура имела первостепенное значение. Однако целенаправленная работа по сбору и научному осмыслению фольклора началась лишь в 1937 г. Она связана с именем одного из основоположников отечественной фольклористики – Климента Васильевича Квитки (1880 – 1953), который был научным руководителем КНМ вплоть до 1953 г. Его стараниями с 1936 г. консерватория проводит первые звукозаписи народных песен, а в 1937 г. при историко-теоретическом факультете открывается кабинет по изучению музыкального творчества народов СССР.

В 1940 г. в Московской консерватории была открыта кафедра музыкального фольклора, которая существовала до 1949 г. Ее заведующими были профессоры Н.Я. Брюсова (1940 – 1943) и Е.В. Гиппиус (1944 – 1949). В те годы КНМ стал самостоятельной единицей, призванной обеспечивать экспедиционную, пропагандистскую и, прежде всего, учебную работу на разных факультетах консерватории. С 1959 г. вплоть до своей смерти научным руководителем КНМ была профессор А.В. Руднева (1903 – 1983). Изменение учебных планов исполнительских факультетов привело к тому, что КНМ перестал быть межфакультетским. С 1998 г. он входит в состав кафедры истории русской музыки, имея статус учеб-

но-научной лаборатории по русскому народному музыкальному творчеству. В настоящее время с ним связана деятельность четырех преподавателей кафедры истории русской музыки МГК – В.М. Щурова, Н.Н. Гиляровой, Н.М. Савельевой, Т.А. Старостиной.

Как бы ни называли это консерваторское подразделение – кабинет народной музыки (это название закрепилось в обиходе), лаборатория народного музыкального творчества или учебно-научная лаборатория народного творчества, – именно оно является центром, где можно не только узнать «всё о фольклоре» (послушать, посмотреть, почитать, проконсультироваться по вопросам, связанным с народной культурой), но и самому попробовать петь так, как поют в деревнях. Здесь находится один из наиболее представительных в России фондов записей музыкального фольклора, причем не только русского. Его коллекции насчитывают более 6 000 единиц хранения, приблизительно 200 000 образцов лишь на магнитной ленте. Кроме этого в Кабинете хранятся копии записей, сделанных на восковых фонографических валиках², целлулоидных дисках, в последние годы – видеозаписи и мини-диски.

Постоянно пополняемый рукописный фонд КНМ МГК насчитывает более 19 000 нотаций. В нем также находится большое число рукописей трудов этномузыкологов, чья деятельность в той или иной степени была связана с консерваторией, – К.В. Квитки, Е.В. Гиппиуса, Н.М. Бачинской, Л.В. Кулаковского, В.М. Кривоносова, А.В. Рудневой и др. В настоящее время архив постоянно пополняется за счет частных коллекций и материалов собирателей, не работающих в консерватории. Силами сотрудников в Кабинете собрана представительная библиотека (лишь часть ее составляют книги из Научной музыкальной библиотеки им. С.И. Танеева МГК). В последнее время в КНМ разработаны и заполняются электронные базы данных аудиозаписей и книг.

Основные направления деятельности КНМ МГК были сформулированы К.В. Квиткой. Это учебно-вспомогательная, экспедиционная, научно-исследовательская, пропагандистская работа. Как научное учреждение, входящее в состав учебного заведения, Кабинет призван в первую очередь осуществлять учебно-вспомогательную функцию. На его базе занимаются студенты историко-теоретического, композиторского, дири-

² Сами валики переданы в Фонограмм-архив ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

¹ Далее – КНМ.

жерско-хорового факультетов. Лекции, семинары, индивидуальные занятия по нотации и анализу народных песен основываются по преимуществу на экспедиционных материалах. Использование в процессе занятий высококачественных аудио- и видеозаписей позволяет более глубоко постигать всю проблематику народного музыкального (и не только музыкального) искусства.

С первых лет существования основой деятельности КНМ были музыкально-этнографические экспедиции³. Даже в тяжелые военные и послевоенные годы, несмотря на уменьшение количества экспедиций, фольклористы не прекратили сбор народных песен. Записи проводились стационарно, в консерватории, от участников художественной самодеятельности и отдельных исполнителей, приезжавших в Москву.

Серьезная полевая работа, нарушенная Великой Отечественной войной, была продолжена с середины 1950-х гг. В этот период одним из основных направлений деятельности московских фольклористов был выпуск песенных сборников и грампластинок, поэтому практиковались выборочные поездки к лучшим народным певцам и инструменталистам. Так работали и сотрудники КНМ во главе с А.В. Рудневой⁴. Их экспедиционная работа сказалась и на организации Фольклорной комиссией СК РСФСР музыкально-этнографических концертов в Москве, и на записи приезжающих исполнителей на Всесоюзном радио и студии «Мелодия».

Однако уже в начале 1970-х гг. стало ясно, что выборочные записи лучших песен от лучших исполнителей в свете резко изменявшейся демографической и социальной ситуации должны быть заменены на фронтальное обследование территорий, ведущееся по единой программе. Подобного рода экспедиции требуют большой подготовительной работы: их участники должны иметь глубокие познания в области смежных с музыкальной фольклористикой наук — диалектологии, этнографии, истории; они должны знать и владеть возможным репертуаром (здесь неопценны списки, составленные с учетом песен, записанных в этих местах ранее, — причем не только консерваторцами). Необходима хорошая техническая оснащенность таких поездок, позволяющая проводить не только качественные одноканальные и многоканальные записи (напомним, что методика многоканальной магнитофонной записи была впервые апробирована также в КНМ МГК в середине 1960-х гг.), но и обязательную фиксацию больших фрагментов на кино-, а

позже и видеопленку. В КНМ были разработаны вопросники, касающиеся, прежде всего, соотношения музыкального фольклора с этнографическим контекстом традиции, а также проблем народной терминологии, исполнительства⁵.

Таким образом, начиная с 1970-х гг. КНМ меняет приоритеты своей экспедиционной работы. На первый план выходит метод целенаправленного фронтального обследования больших территорий, осуществляемого с конкретными научными целями. Так исследовался фольклор Рязанской (с 1970 г. по настоящее время), Пензенской (с 1983 по 1994 г.), Липецкой (с 1994 г. по настоящее время), Волгоградской (с 1969 г. по настоящее время) обл. Большое значение сотрудники КНМ придают стационарным экспедиционным записям, позволяющим наблюдать эволюцию народной культуры. Так исследуется фольклор Брянской (с 1940 г.), Рязанской (с 1939 г.), Белгородской (с 1954 г.), Курской (с 1937 г.) обл. Научные интересы преподавателей и сотрудников МГК влекут за собой и выборочное обследование отдельных территорий. Таковы экспедиции последних лет профессора В.М. Щурова в Саратовскую и Астраханскую обл., Алтайский и Ставропольский края; доцента Т.А. Старостиной в Курскую и Орловскую обл.; доцента Н.М. Савельевой к молоканам разных областей России.

Несмотря на сложности, Московская консерватория всеми силами стремится сохранить музыкально-этнографическую практику студентов, предусмотренную учебным планом. Но если раньше за год проводилось по 10 — 11 экспедиций с 40 — 50 студентами, то теперь финансовые возможности с трудом позволяют делать 5 — 6 выездов, в которых могут принять участие лишь 10 — 15 студентов. Причем сроки поездок сократились практически вдвое — с 28 до 14 дней. Соответственно, учитывая всё ускоряющийся процесс исчезновения классического крестьянского фольклора, мы привозим вместо 3 000 — 3 500 записей в год лишь 1 500 — 2 000.

С изменением приоритетов в сборе музыкально-этнографических материалов менялись и акценты в темах курсовых и дипломных работ студентов теоретико-композиторского (ныне историко-теоретического) факультета МГК. В последние двадцатилетие дипломные работы выпускников основываются на результатах целенаправленного сбора материалов по исследуемой теме в нескольких экспедициях. Дипломники стараются находить необычные повороты в актуальной научной проблематике, разрабатывать новые подходы. Интересны работы, защищенные Н. Жулановой «Народная музыкальная культура коми-пермяков (к проблеме национального своеобразия)» (1984 г.), С. Концедоловой «Певческая

³ Подробнее об экспедициях КНМ см.: [Перечень аудиозаписей 1999].

⁴ Несомненным преимуществом 1960-х гг. можно считать мобильную публикацию записанных в поле материалов. Достаточно назвать сборники народных песен, выпущенные по результатам экспедиций КНМ в конце 1950-х — 1960-х гг. [Руднева 1957; Песни Красноярского края 1959 — 1962; Лондонов, Прохоров 1961; Малкина 1963; Владыкина-Бачинская 1964; Руднева 1964; Свитова 1966; Павлова 1969 и др.].

⁵ Один из таких вопросников, посвященный календарным и свадебным обычаям и обрядам, их музыкальному содержанию, народной терминологии, вопросам народного вокального исполнительства и игре на народных музыкальных инструментах, опубликован [Булгакова, Гилярова, Старостина, Старостин 1997].

культура села Сысой (к проблеме исполнительства)» (1988 г.), М. Альшулер «Русские причитания ("заставный вопль" или "бесовские игры")?» (2000 г.).

КНМ ведет большую научно-организационную работу. Традиционными стали конференции, посвященные памяти профессора А.В. Рудневой. По их материалам выпускаются сборники научных статей и тезисов [Музыка устной традиции 1999; Фольклор: Современность и традиция 2004]. В 2003 г. прошел фестиваль, посвященный столетию А.В. Рудневой, в организации которого КНМ сыграл главную роль. В программу вошли концерты народных исполнителей и любительских фольклорных ансамблей, хора студентов дирижерско-хорового факультета и кафедр сочинения МГК, проходившие в залах Московской и Санкт-Петербургской консерваторий, Воронежской филармонии и Союза композиторов. Преподаватели и сотрудники Кабинета приняли участие в заседаниях круглых столов, которые были проведены в Санкт-Петербургской (тема «Литургические проблемы этномusicологии и проблемы музыкально-этнографические исследования») и Московской («Современное состояние фольклорных традиций») консерваториях⁶. На научных конференциях и семинарах, организуемых различными учреждениями России, фольклористы консерватории стараются представлять новые темы, разрабатываемые сегодня в КНМ⁷.

Большое значение преподаватели и сотрудники КНМ всегда придавали пропагандистской деятельности. В 1960-е – 1980-е годы по радио, на телевидении, со сцены постоянно выступали В.М. Шуров и А.В. Руднева. Сейчас «бремя» концертной деятельности лежит на фольклорном ансамбле Московской консерватории (руководитель Н.Н. Гилярова). Стихийно возникший во время экспедиции 1978 г. в Рязанскую обл. ансамбль сформировался из студентов разных специальностей, влюбленных в народную песню. За эти годы через него прошло более 60 человек. На протяжении последних 15 лет ансамбль проводит ежегодный цикл абонементных концертов в

⁶ В ходе их работы прозвучали следующие доклады и сообщения: Н.Н. Гиляровой «А.В. Руднева – человек, музыкант, исследователь» и «Современное состояние народных традиций (по калужским материалам экспедиций МГК 1969, 1989, 2003 гг.)»; В.М. Шурова «К теории ритма в народной русской музыке: концепции Е.В. Гиппиуса, А.В. Рудневой и некоторые новейшие воззрения»; И.А. Савельевой «Изучение песенных традиций липован»; Е.Г. Богинной «Разновидности исполнительских традиций междуречья Хопра и Медведицы (по материалам экспедиции МГК)»; Т.А. Старостиной «О формах высотной нестабильности в народном пении»; М.С. Альшулер «Бухушка и ее музыкальный облик (по материалам экспедиции МГК в Калужскую область)»; Н.М. Савельевой «Песенная традиция молокан».

⁷ По материалам выступлений на конференции, прошедшей в 2001 г. в Вологде, Н.Н. Гиляровой, Н.М. Савельевой и М.С. Альшулер подготовлены статьи. Они представлены в сборнике [По следам Липовой 2002].

музее Ф.И. Шляпина в Москве, дает концерты в различных городах России: Санкт-Петербурге, Рязани, Архангельске, Вологде, Ярославле и др., а также за рубежом: в Литве, Франции, Венгрии, Норвегии, Швейцарии. В свои программы ансамбль включает материалы тех экспедиций, в которых побывали его участники, то есть представляет традиции, которые перенимались непосредственно от носителей (это песни Рязанской, Пензенской, Липецкой, Волгоградской, Калужской и отчасти Брянской обл.)⁸.

В КНМ ведется работа по архивации и переводу экспедиционных материалов прошлых лет на современные носители. В частности, обработаны записи экспедиций в Курскую, Брянскую, Орловскую, Липецкую, Московскую обл. конца 1940-х – 1950-х гг. В настоящий момент огромный фонд записей КНМ требует научного осмысления материалов. Именно поэтому предпринимаются попытки создания обобщающих трудов по описанию фольклорно-этнографических региональных и локальных разновидностей традиционной русской культуры. Результатом интеграции ученых различных специальностей, чьи усилия направлены на исследование феномена народной культуры одной небольшой территории, стала книга с аудиоприложением (компакт-кассетой или компакт-диском) «Традиционная празднично-игровая культура Шацкого района Рязанской области (этнодиалектный словарь)» [Морозов, Слепцова, Гилярова, Чижикова 2001], в которой музыкальный компонент представляет собой материалы экспедиции 1979 г. Все стороны местной музыкальной традиции как факта народной культуры учитываются при работе над «Музыкально-этнографическим атласом Липецкой области».

Еще одна тема, разрабатываемая в настоящее время научно-творческим коллективом КНМ, – «Традиционная культура как звучащий мир. Семантика и морфология звука и музыки». Она потребовала интеграции специалистов различных научных учреждений, исследующих народную культуру разных областей России⁹.

Звук в народной музыкальной культуре является одной из наиболее важных составляющих. Народная песня, инструментальный наигрыш, закличка или причитание могут состояться только в звукопроизнесении. По словам исполнительницы из хутора Забурдяевский Волгоградской

⁸ Среди записей, осуществленных фольклорным ансамблем Московской консерватории, – аудиокассеты «Не у нас ли в саду» (М., 1997) и «Народный романс» (М., 1998), компакт-диск и аудиокассета «Традиционная культура Шацкого района Рязанской области» (М., 2000), аудиоприложения к детским хрестоматиям по народному творчеству Н.Н. Гиляровой (М., 1996 и 1999) и компакт-диск «Воскрешение голоса Рязанской земли» (М., 2000).

⁹ Грант РГНФ № 01-04-00-208а. Его участники – Н.Н. Гилярова, Т.А. Старостина, В.М. Шуров, И.А. Савельева, М.С. Альшулер, Е.Г. Богина, Е.В. Кривцова, А.М. Мехнецов, Г.В. Лобкова, И.А. Морозов. В настоящее время в печать сдан сборник статей по данной теме.

обл., «главное в песне – голос» (звук. – Н.Г.). Прочитать, как газету, каждый сможет, а петь уметь надо». Однако этому важнейшему компоненту традиционной культуры не всегда уделялось достаточно внимания. Если в XIX – начале XX в. в предисловиях в сборниках Н.Е. Пальчикова, Н.М. Лопатина и В.П. Прокунина, Ю.Н. Мельгунова, А.М. Листопадова и других собирателей даны яркие описания самого процесса пения в народном быту, роли отдельных его участников, то в 1930-е гг. в России вопросы, связанные с живым бытованием народной музыки, отошли на второй план. Из поля зрения исследователей ускользали детали, которые невозможно было отразить в нотной записи. В рукописных материалах КНМ подобные замечания оказались разбросаны по отчетам руководителей, дневникам, текстовым тетрадям, а в некоторых случаях комментариям исполнителей, звучащим на магнитной ленте.

Для работы в экспедициях по этой теме были разработаны специальные вопросники, посвященные ситуациям, в которых происходит звукопорождение и звукопроизнесение. Они уточняют взгляды исполнителей на звук и его особенности в связи с жанровой системой фольклора (обряд, хоровод, шуточные похороны и поминальный плач, тягучая песня и др.), обстоятельствами звучания тех или иных песен и инструментальных форм (улица – дом, обрядовая речь – пение и др.), конкретными характеристиками голосов (женщина – девушка; разделение голосов по функциям; пение соло и в ансамбле, громко – тихо) и др. Опираясь на почерпнутые из разных источников материалы, уже можно решать некоторые сугубо музыковедческие проблемы, как-то: влияние манеры исполнения (исполнительских приемов) на стилевые особенности музыкального фольклора – структуру музыкально-поэтической строфы, многоголосие, лад и др.; особенности звучания песен разных жанров, включенных в обряд и исполняемых «для себя»; специфика звучания голосов в песенном и инструментальном ансамбле; влияние темповых характеристик на звукоизвлечение; особенности звуковысотности; характеристики звучания разных частей песенной или инструментальной формы и др. Значение в этой работе имеют повторные обследования территорий (в частности, интересный и многообещающий материал дали Брянская, Волгоградская, Липецкая экспедиции).

В настоящее время можно говорить о взаимовлиянии звука и фактуры, многоголосия, звука и форм музыкально-поэтической строфы, звука и песенной ритмики (мелодической и слоговой), характерных приемов народного исполнительства. Проанализированные архивные материалы – как звучащие, так и письменные полевые записи последних лет – позволяют работать над составлением этнодиалектного музыкального словаря (тезауруса), где особенности звука в народной культуре интерпретируются самими носителями. Таким образом начинает складываться теория народного исполнительства. Подобный словарь позволит на основании комплексного обследования народной культуры Рос-

сии выйти на проблемы связи различных региональных культур (песенных диалектов).

Народная терминология – одна из интереснейших сторон этномузыкологии, отражающая не только особенности местного музыкального диалекта, но и важнейшие эстетические, музыкально-жанровые, стилевые характеристики песен и инструментальных наигрышей, оценку исполнителями собственного творчества. Приоритет в изучении фольклорных диалектов принадлежит лингвистам-диалектологам. Часто в их трудах традиционный народный взгляд на мир предстает перед нами не только со слов наблюдателя-исследователя, но и так, как его понимает и видит сам представитель данного этнокультурного типа (*этнодиалекта*). При составлении словаря народных терминов, связанных со звуковыми явлениями в музыкальной традиционной культуре, должна учитываться разного рода информация, собранная по единому принципу, которая позволяет систематизировать большие объемы материала, относящегося к разным региональным традициям. Перед нами стоит задача показать, как народная терминология свидетельствует о сущности явления, его происхождении, контактах или взаимовлиянии населения тех территорий, где она была отмечена.

Предполагаемый словарь может иметь несколько рубрикаций:

- термины, отражающие оценку явления исполнителями – носителями традиционной культуры;
- народная терминология, связанная с жанровой классификацией фольклорных явлений;
- взгляд носителей на стилевые категории музыкального фольклора (форму, лад, фактуру, ритмику, тембр, многоголосие и др.);
- характеристика ситуаций звукопроизнесения, полученная из первоисточника (как от носителя традиции, так и от собирателя).

В системе народных определений господствующее место отводится жанровой терминологии и наименованиям «ситуативного пения», связанного с исполнением в четко обозначенные временные или обрядовые моменты.

Лирические протяжные песни имеют множество вариантов определений: «*протяжные*», «*тягучие*», «*тяжелые*», «*долгие*», «*вилючие*» и др. Обычно эти термины закономерно связаны в сознании исполнителей с песнями «*старинными*», которые они слышали от дедов и отцов: «*Долгие песни – голосовые*»; «*Долгий мотив, старинный – играть тяжелее*»; «*Старинную песню надо "петь в размах"*»; «*Старинная песня какá – иé аттягивать надо*» (песня в оттяжку); «*Разве так заигрывают песни старинные, с перерывом – надо ровно, в оттяжку играть*»; «*Старинная песня с перевёртышами*»; «*Старинны песни тревожны*»; «*Песни в протяжку. Их играть надо резкó*»; «*Песни долги, старинны и аккуратны*» (Пензенская обл.).

В песнях свадебного цикла (они часто называются «*свадебными*», «*свадебными*», «*свадебными*» и др.) выделяются «*прасватные*», звучащие только на сговоре; «*абыгрышные*», кото-

рание исчисляли молодую пару и гостей на свадьбе: «вечерушние»; песни, которыми «валят» и др. Причитания невесты, ее матери, подружки, родственники определяются как «воп», «крик», «плачущие» и др. Соответственно и действие называется «кричать», «вопить», «голосить». К невесте приходится «слушать голос»: «Двери, окна были открыты, чтоб все слышали, как она плачет» (с. Рубецкое Рязанской обл.).

Особенно интересны наименования частушек – жанра, актуального в России и по сей день. Кроме традиционного определения – «частушки», фигурируют также «прибаски», «пригудки», «веселки», «скаморосские» и др. (Липецкая обл.). Частушки под язык исполнители называют «под губами» (Липецкая обл.) или «под сухую» (Рязанская обл.), а также, руководствуясь произношением в «смысле» (имитации игры на каком-либо инструменте) слогами, – «диликаньем», «тутар-ками-мелтутарками» (Липецкая обл.), «линдиканьем» (Рязанская и Пензенская обл.) и др. Страдания исполнители часто определяют как «песни».

Духовные стихи обычно называются «стишками», «салъмами», «кантами» и др. Колыбельные песни во многих регионах России называют «баюканье».

Самыми активными исполнителями, знающими и основной пласт репертуара, и собственно «голос» песни, были зачинщики-запевалы. Остальные же часто «шли за следом» (следовали за запевадой). Так, например, на сеансе в с. Донская Негачевка Липецкой обл. одна из певиц призналась: «Такая песня игралась, а знать ня знаю. Ну так уж, следовать магу».

Свое пение исполнители определяют различными способами, иногда указывая на жанровое предназначение песни: «спивать песенки», «аблякивать», «грать», «игрывать», «петь гурьбины», «раславлять» (о рождественских тропарях), «языком гаварить» (о пении под пляску), «валять» или «кричать» (относительно новозаветных похвальных песен). При этом особо подчеркивается мастерское и порицается нерадивое исполнение: «Ни умеючи ничаво ни сделаво» (Липецкая обл.). Или о пляске: «Хто мох плясать, он и адинокый падаст, а хто ня можь – он и ф тобуне будя прыгать заместа казла прыгнуво» (Липецкая обл.). Также часто даются суждения оценочного толка («ня так вытягивалась», «ня звучна») поют, «плоха ладять»). С уважением говорится об эмоциональном исполнении, песни «с куражом» (Липецкая обл.). На свадьбе, например, можно «раздиклешивацца», то есть развлекаться с полной отдачей, «быть бильно высълым» (Липецкая обл.).

Предварительный словарный материал выстроен как ответы на вопросы предлагаемой нами работы. Особенностью данной работы является обилие речевых фрагментов – народной речи в самом широком смысле слова. Многие реалии народной жизни, интерпретация рассматриваемых явлений, эстетическая оценка передаются словами носителей традиции. Точные, яркие выражения народных исполнителей представляют большую ценность для исследователя, так как в

полной мере передают своеобразие мышления и мировосприятия изучаемого этнокультурного типа. В некоторых случаях комментарии представляют анализируемое явление с точки зрения человека, лично его эмоционально «прожившего».

Таким образом, фольклористы Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, продолжая высокие традиции предшественников, стремятся внести свою лепту в дело изучения, сохранения и пропаганды русской народной традиционной культуры.

Литература

Булгакова, Гилярова, Старостина, Старостин 1997 – Булгакова Е.С., Гилярова Н.Н., Старостина Т.А., Старостин С.Н. Опросник по теме «Календарные и семейные обычаи и обряды» // Традиционная народная культура русских: Сб. программ и вопросников для этнографических исследований. Рязань, 1997. С. 86–90. (Рязан. этногр. вестн.).

Владыкина-Бачинская 1964 – Владыкина-Бачинская М.М. Народные песни Орловской области. М., 1964.

Кабинет народной музыки 1966 – Кабинет народной музыки. М.: Музыка, 1966.

Лондонов, Прохоров 1961 – Лондонов П.П., Прохоров Е.А. Народные песни Пензенской области. М., 1961.

Малкина 1963 – Русские народные песни, напетые М.Ф. Малкиной / Сост. С.И. Пушкина. М., 1963.

Морозов, Слепцова, Гилярова, Чижикова 2001 – Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н. Традиционная празднично-игровая культура Шацкого района Рязанской области (этнодиалектный словарь). Рязань, 2001. (Рязан. этногр. вестн.).

Музыка устной традиции 1999 – Музыка устной традиции: Мат. междунар. конф. памяти А.В. Рудневой. М., 1999. (Научные труды МГК им. П.И. Чайковского; Сб. 27).

Павлова 1969 – Павлова Г.Б. Народные песни Смоленской области, напетые А.И. Глинкиной. М., 1969.

Перечень аудиозаписей 1999 – Перечень экспедиционных и стационарных аудиозаписей основного фонда Кабинета народной музыки Московской государственной консерватории / Сост. С.В. Голубков. Ред. Н.Н. Гилярова. М., 1999.

Песни Красноярского края 1959 – 1962 – Русские народные песни Красноярского края / Сост. А.В. Руднева, В.И. Хорьков. М., 1959 – 1962. Вып. 1 – 2.

По следам Линёвой 2002 – По следам Е.Э. Линёвой. К столетию экспедиционных записей в Новгородской области. Вологда, 2002.

Руднева 1957 – Руднева А.В. Народные песни Курской области. М., 1957.

Руднева 1964 – Руднева А.В. Народные песни Московской области. М., 1964.

Свитова 1966 – Свитова К.Г. Народные песни Брянской области. М., 1966.

Фольклор: Современность и традиция 2004 – Фольклор: Современность и традиция. Мат. 3-й междунар. конф. памяти А.В. Рудневой. М., 2004 (в печати).